

II.

Кто же был этот юноша-идеалист, потерпевший такое жестокое крушение при первой же попытке выйти в тревожное литературное море?

Некрасову не исполнилось еще и семнадцати лет, когда летом 1838 года он явился на улицах Петербурга с тетрадкой стихов в кармане (значительная часть их год спустя вошла в книжечку "Мечты и звуки"), а между тем, испытать и пережить ему пришлось уже больше, чем иному взрослому человеку. К сожалению, фактические подробности его детской жизни биографам поэта известны довольно смутно: в точности не знают даже, где он родился, как звали его мать (по одним сведениям - Александрой, по другим - Еленой), сколько лет провел он в Ярославской гимназии (кто пишет - два года, кто - шесть), из какого класса и почему, собственно, вышел; в каком, наконец, году приехал в Петербург {Сам Некрасов называл 1837 год (год смерти Пушкина), но точное указание его сестры (20 июля 1838 г.), повидимому, более соответствует фактам}. Нужно надеяться, что предстоящий юбилей восполнит эти биографические пробелы; газеты, по крайней мере, сообщают, что в Ярославле, считающемся, так сказать, приемной родиной Некрасова, идет в этом направлении деятельная работа: перебирается гимназический архив, опрашиваются родственники поэта (в Ярославле живет до сих пор младший брат его, Федор Алексеевич Некрасов). Весь полученный новый материал, вместе с не напечатанными до сих пор рукописями Некрасова, будет обнародован в специальном (юбилейном) литературном сборнике.

Конечно, все это в высшей степени интересно. Но задача настоящей статьи собственно не биография Некрасова, и подробности детства и отрочества его имеют для нас лишь второстепенное значение; тем более что общий характер этих лет ярко очерчен самим поэтом в массе его произведений. Даваемыми им сведениями мы и можем удовлетвориться.

На фоне младенческих воспоминаний Некрасова ярко вырисовываются необыкновенно характерная для тогдашней русской жизни фигура его отца, грубого и невежественного самодура-помещика (средней руки), и матери, молодой образованной женщины с тонкой душевной организацией и кротким любящим сердцем.

Ты увлеклась армейским офицером,
Ты увлеклась красивым дикарем!
Не спорю - он приличен по манерам,
Природный ум я замечала в нем;
Но нрав его, привычки, воспитанье...
Умеет ли он имя подписать?

С такими словами обращается (в поэме "Мать") к своей беглянке-дочери бабка поэта, варшавская аристократка Закревекая, -- и, кажется, портрет этот вполне отвечает действительности. Да и чем иным мог, в самом деле, быть заурядный армейский офицер двадцатых годов, выросший в условиях крепостного права? Если даже сам поэт, в сравнительно позднее время, воспитывался окруженный псарями, музыкантами, "крепостными любовницами, газрами и слугами", в доме, жизнь которого текла "среди пиров, бессмысленного чванства, разврата грязного и мелкого тиранства", то можно вообразить, какова была среда, окружавшая старика-Некрасова, дед которого (воевода) и отец (штык-юнкер в отставке), богатейшие помещики края, проиграли в карты несколько тысяч "душ" крестьян. И если их потомок-поэт сумел с годами "стряхнуть с души своей тлетворные следы поправшей все разумное ногами, гордившейся невежеством среды", то, по его собственному свидетельству, "живую душу" спасла в нем мать, бывшая несомненно редким, необычным явлением в тогдашнем русском обществе, случайной его, экзотической гостьей. У Некрасова-отца такой матери, конечно, не было... Он не представлял, правда, чего-либо исключительного, чудовищного на фоне своей мрачной эпохи, -- он был лишь типичным помещиком двадцатых - тридцатых годов, в достаточной степени умевшим отравлять жизнь не только своим крепостным, но и собственной семье, хотя надо сознаться, что сын не пожалел темных красок для его

обрисовки: дикарь, угрюмый невежда, деспотъ и даже палачъ - такъ и мелькаютъ въ техъ местахъ стихотвореній и поэмъ Некрасова, которыя посвящены воспоминаніямъ объ отце. "Твой властелинъ",-- обращается онъ, уже умирая самъ, въ покойной матери:

. наследственные нравы
То покидалъ, то буйно проявлялъ;
Но если онъ въ безумныя забавы
Въ недобрый часъ детей не посвящалъ,
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ,--
На страже ты надъ нимъ стояла годы,
Покуда мракъ въ душе его царилъ!

А въ поэме "Несчастные" находимъ и более подробную картину (хотя въ общемъ герой этой поэмы и не можетъ быть отождествленъ съ авторомъ, но изображенія его детства и юности, несомненно, автобіографичны).

Рога трубятъ ретиво,
Пугая ранній сонъ детей,
И воютъ псы нетерпеливо...
До солнца сели на коней -
Ушли... Орды вооруженной
Не видить глазъ, не слышитъ слугъ.
И бедный домъ, какъ осажденный,
Свободно переводить духъ.
.
Осаду не надолго сняли...
Вотъ вечеръ - снова рогъ трубить.
Примолкнувъ, дети побежали,
Но мать остаться имъ велить:
Ихъ взоръ уныль, невнятенъ лепетъ...
Опять содомъ, тревога, трепеть!
А ночью свечи зажжены,
Обычный пиръ кипитъ мятежно,
И бледный мальчикъ, у стены
Прижавшись, слушаетъ прилежно
И смотреть жадно (узнаю
Привычку детскую мою)...
Что слышать? Песни удалыя
Подъ топотъ пляски удалой;
Глядить, какъ чаши круговыя
Пустеютъ быстрой чередой;
Какъ на лету куски хватаютъ
И ротъ захлопываютъ псы...
.
Смеются гости надо ребенкомъ,
И чей-то голосъ говорить:
"Не правда-ль, онъ всегда глядитъ
Какимъ-то травленнымъ волченкомъ?
Поди сюда"! *Бледнеетъ мать;*
Волченокъ смотреть - и ни шагу.
"Упрямство надо наказать -
Поди сюда"!-- Волченокъ тягу...
"А-ту его"! Тяжелый сонъ...

"А-ту его"! Тяжелый сонъ...

Николай Алексеевичъ, первенецъ въ семье, былъ, повидимому, много старше своихъ многочисленныхъ братьевъ и сестеръ, и одинокое детство его протекало въ невыносимо-

душной нравственной атмосфере. Чтобы получить об ней понятие, достаточно прочесть "Родину", или другое стихотворение того же периода - "Въ неведомой глуши", которое авторъ, по не совсемъ понятнымъ для насъ мотивамъ, не хотеть признавать оригинальнымъ. Первоначально стихотворение это было озаглавлено: "Изъ Ларры", позже - "Подражаніе Лермонтову", при чемъ въ авторскомъ экземпляре сделано было такое примечаніе: "Сравни: Арбенинъ (въ драме *Маскарадъ*). Не желаю, чтобы эту подделку раннихъ летъ считали какъ черту моей личности". И еще следовало ироническое добавленіе: "Быль влюбленъ - и козырнулъ". Понимай: порисовался демоническимъ плащемъ сильнаго, много испытавшаго, во всемъ разочаровавшагося человека... *

Позволительно, однако, усомниться въ полной справедливости этого примечанія. Прежде всего, въ монологахъ лермонтовскаго героя отыщется всего лишь 5--6 строкъ, имеющихъ более или менее рельефное сходство съ некрасовской пьесой:

Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ...
.....
И вдругъ во мне забытый звукъ проснулся!
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ - и увидалъ, что я ее люблю,
И стыдно молвить... *ужаснулся!*
И снова ревность, бешенство, любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторе;
Изломанный челнокъ, я снова брошенъ въ море!
Вернусь ли къ пристани я вновь?
И еще въ другомъ монологе:
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебе цены не зналъ, несчастный;
Но нынче черствая кора
Съ моей души слетела - міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно,
И я воскресъ для жизни и добра ("*Маскарадъ*").

Сходство некрасовскаго стихотворенія съ первымъ изъ этихъ монологовъ Арбенина очень слабое, чисто-формальное; настроенія передъ нами глубоко-различныя: въ душу Арбенина любовь вноситъ ужасъ и смятеніе; у Некрасова, напротивъ, она означаетъ возрожденіе и надежду:

. . . Для жизни и волненій
Въ груди проснулось сердце вновь,
Вліянье раннихъ бурь и мрачныхъ впечатленій
Съ души изгладила любовь!

Мотивъ второго отрывка изъ "Маскарада", несомненно, тотъ же, что и у Некрасова, но у последняго разработанъ онъ съ такими пластически-реальными подробностями и въ такомъ оригинальномъ освещеніи, что "подражаніемъ" его стихи трудно назвать: скорее, это - сходство настроеній, вытекшихъ изъ одинаковыхъ общественныхъ условій времени... Возможно, что Некрасова смущали следующие стихи его пьесы:

Я въ мутный ринулся потокъ
И молодость мою *постыдно и безумно*
Въ разврате безобразномъ сжегъ.

И действительно, по отношенію къ личной біографіи поэта это совершенная неправда (а въ ней-то, собственно, и выразилось подражаніе Арбенину): если и были въ молодости Некрасова не совсемъ безгрешныя увлеченія, то, конечно, во сто разъ больше было въ ней

непосильно-тяжелаго труда, мученій бедности, благородныхъ юношескихъ стремлений... За то начало стихотворенія даетъ, повидимому, вполне верную картину растлевающаго вліянія на юную душу - отцовскаго дома съ его рабовладельческими нравами и инстинктами:

Въ неведомой глуши, въ деревне полудикой,
Я росъ средь буйныхъ дикарей,
И мне дала судьба, по милости великой,
Въ рукободители псарей.
Вокругъ меня кипель развратъ волною грязной,
Боролись страсти нищеты
(т. е. разоренныхъ и озлобленныхъ рабовъ-крестьянъ),
Я на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубыя черты.
И прежде, чемъ понять разсудкомъ неразвитымъ,
Ребенокъ, могъ я что-нибудь,
Проникъ уже порокъ дыханьемъ ядовитымъ
Въ мою младенческую грудь.

Ведь это почти то же, что разсказывается и въ знаменитой "Родине", где Некрасовъ, несомненно уже, говоритъ о самомъ себе:

И вотъ они опять, знакомыя места,
.....
Где было суждено мне Божій светъ увидеть,
Где научился я терпеть я ненавиждеть,
Но, ненависть въ душе постыдно притая,
Где *иногда бывалъ помещикомъ и я;*
Где отъ души моей, *довременно-растленной,*
Такъ рано отлететь покой благословенный,
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жегъ...

Какія тяжелыя, поистине кошмарныя воспоминанія вынесъ поэтъ изъ своего детства, видно изъ заключительныхъ строкъ той же "Родины":

И съ *отвращеніемъ* кругомъ кидая взоръ,
Съ *отрадой* вижу я, что срубленъ темный боръ и т. д.

После этого отнюдь не кажется преувеличеніемъ страдальческой крикъ:

Всему, что, жизнь мою опутавъ съ первыхъ летъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ,
Всему начало здесь, въ краю моемъ родимомъ!

По счастью, однако, въ томъ же родномъ краю и въ томъ же раннемъ детстве Некрасова лежитъ начало и всему, что было благословеніемъ его жизни. Это - обольстительно-светлый образъ рано умершей мученицы-матери, навсегда воплотившей для него идеаль любви, терпенія и гуманности! Безъ преувеличенія можно сказать, что более трогательнаго и поэтическаго образа не знаетъ не только русская поэзія, но, быть можетъ, и вся русская литература... Смягчая и просветляя мрачные звуки некрасовской лиры, образъ этотъ не разъ спасалъ и самого поэта отъ конечнаго паденія...

Повидайся со мною, родимая,
Появись легкой тенью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила, нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой векъ подъ грозою сердитою

Простояла ты, грудью своей
 Защищая любимых детей.

 Я пою тебе песнь покаянія,
 Чтобы кроткія очи твои
 Смыли жаркой слезою страданія
 Все позорныя пятна мои!
 Чтобъ ту силу свободную, гордую.
 Что въ мою заложила ты грудь,
 Укрепила ты волею твердою
 И на правый поставила путь.
 Треволненья мірскаго далекая,
 Съ неземнымъ выраженъемъ въ очахъ,
 Русокудрая, голубоокая,
 Съ тихой грустью на бледныхъ устахъ,
 Подъ грозой величаво-безгласная,
 Молода умерла ты, прекрасная,
 И такой же явилась ты мне
 При волшебнo-свѣтящей луне.
 Да! я вижу тебя, бледнолицую,
 И на судь твой себя отдаю.
 Не робеть передъ правдой-царицею
 Научила ты муку мою:
 Мне не страшны друзей сожаленія,
 Не обидно враговъ торжество,
 Изреки только слово прощенія
 Ты, чистейшей любви божество!

 Увлекаемъ безславною битвою,
 Сколько разъ я надъ бездною стоялъ,
 Поднимался твоею молитвою,
 Снова падалъ - и вовсе упалъ!..
 Выводи на дорогу тернистую!
 Разучился ходить я по ней,
 Погрузился я въ тину нечистую
 Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
 Отъ ликующихъ,
 Праздно болтающихъ,
 Обагряющихъ руки въ крови,
 Уведи меня въ станъ погибающихъ
 За великое дело любви!

Читатель нашъ, конечно, десятки разъ перечитывалъ эту бесконечно-трогательную молитву-жалобу - и, темъ не менее, онъ не посетуетъ, мы уверены, за длинную выписку...

Вотъ, между прочимъ, что рассказываетъ по поводу "Рыцаря на часъ" Н. К. Михайловскій въ февр. кн. "Русск. Бог." за 1897 г. (темъ съ большимъ удовольствіемъ цитируемъ эту страницу, что она вкраплена въ статью, посвященную совсемъ другому писателю и до сихъ поръ не вошедшую ни въ одно отдельное собраніе сочиненій): "Мимоходомъ сказать, какая странная судьба этого изумительнаго стихотворенія Некрасова, которое, если бы онъ даже ни одной строки больше не написалъ, обезпечивало ему "вечную память", и которое едва-ли кто-нибудь, по крайней мере, въ молодости, могъ читать безъ предсказанныхъ поэтомъ "внезапно хлынувшихъ слезъ съ огорченнаго липа". Мне вспоминается одинъ вечеръ или ночь зимой 1884 или 1885 года. Я жилъ въ Любани, ко мне пріехали изъ Петербурга гости, большею частью уже не молодые люди, въ томъ числе Г. И. Успенскій. Поговорили о петербургскихъ новостяхъ, о томъ, о семъ; потомъ кто-то предложилъ по очереди читать. Г. И. Успенскій выбралъ для себя "Рыцаря на часъ". И вотъ: комната въ маленькомъ деревянномъ доме; на улице, занесенной снегомъ, мертвая тишина и непроглядная тьма; въ комнатѣ, около стола, освещеннаго лампой, сидитъ несколько человекъ, повторяю, большею частію не молодыхъ; Глебъ Ивановичъ читаетъ; мы все слушаемъ съ напряженнымъ вниманіемъ, хотя наизусть знаемъ стихотвореніе.

До вотъ голосъ чтеца слабеетъ, слабеетъ и - обрывается: слезы не дали кончить... Простите, читатель, это маленькое личное воспоминаніе. Но ведь оно, пожалуй, даже не личное. До всей Россіи ведь разсыпаны эти маленькіе деревянные домики на безмолвныхъ и темныхъ улицахъ; по всей Россіи есть эти комнаты, где читають (или читали?) "Рыцаря на часъ" и льются (или лились?) эти слезы... А между темъ, въ известномъ сборнике г. Зелинскаго критическихъ статей о Некрасове, доведенномъ до 1877 г., т. е. до года смерти поэта, вы найдете всего пять упоминаній о "Рыцаре на часъ", да и то, во-первыхъ, очень беглыхъ, а, во-вторыхъ, одно изъ нихъ относится въ речи свящ. Горчакова на могиле поэта, а другое въ некрологической статьѣ Достоевскаго. А ведь стихотвореніе написано въ 1860 г. Что же это значитъ? То-ли, что многочисленныя враги Некрасова не смели коснуться этой блестящей безпощадною искренностью поэтической жемчужины, а еще более многочисленные друзья и почитатели благоговейныхъ молчаніемъ выражали свое уваженіе въ интимной стороне житейской драмы, воплощенной въ этомъ вопле души?.. Во всякомъ случае, "неизвестный другъ", приславшій Некрасову въ трудную минуту его жизни ободряющее стихотвореніе, былъ правъ, когда, перечисливъ обращаемыя въ поэту упреки, прибавлялъ:

Но отчего-жъ весь міръ сильней любить
Мне хочется, стихи твои читая?
И въ нихъ обманъ, а не душа живая?
Не можетъ быть!"

Для насъ важно сейчасъ констатировать, что эта способность будить въ читателяхъ "благіе порывы", въ свою очередь, заложена была въ душу Некрасова его матерью. - Польшка по происхожденію, воспитанію, религіи и языку, противъ воли родителей вышедшая за русскаго офицера, после несколькихъ летъ походной жизни, она очутилась въ чужой ей до техъ поръ, грубой обстановке захолустнаго помещичьяго дома, окруженная "роемъ подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ", и здесь, одинокая, оскорбленная въ лучшихъ чувствахъ, увядала, какъ та сказочная царица, которую жестокой колдунъ держитъ и терзаетъ въ плену. Но въ сказке,-- съ горечью говоритъ Некрасовъ въ своихъ "Несчастныхъ",-- придетъ благородный витязь, убьетъ злого волшебника и вместе съ ключьями его негодной бороды, броситъ къ ногамъ освобожденной красавицы свою руку и сердце; действительность была ужаснее. Безъ конца и безъ надежды на освобожденіе, "любя, прощая, чуть дыша", "святая женская душа" целыхъ двадцать летъ провела въ своей пустыне,-- всю молодость, всю жизнь!

По счастью, мать Некрасова умела не только плакать и "легкой тенью" бродить по липовымъ аллеямъ грешневскаго сада; не умея бороться активно, она въ высокой степени обладала способностью борьбы пассивной, она была "горда и упорна" (качество, всецело унаследованное и ея сыномъ-первенцемъ). Она могла терпеть, нести свой крестъ "въ молчаніи рабы", но жила и действовала все-таки по своему, такъ, какъ подсказывало ей любящее сердце... Ея сынъ и певецъ рассказываетъ, что, осужденная сама на страданія, за страданія же полюбила она и свою новую родину;

Несчастлива ты, о родина, я знаю,--

влагаетъ онъ въ ея уста обращеніе къ Польше начала тридцатыхъ годовъ;

Весь край въ крови, весь заревомъ объять,
Но край, где я люблю и умираю,
Несчастнее, несчастнее стократъ!

И въ продолженіе двадцати долгихъ летъ страданія она была ангеломъ-хранителемъ не только для собственныхъ детей, но и для крепостныхъ рабовъ. "Ты не могла голодному дать хлеба, ты не могла свободы дать рабу; но лишній разъ не ждало чувство страха его; души, но лишній разъ изъ трепета и праха онъ поднималъ взоръ бодрее къ небесамъ." И не можетъ быть никакого сомненія въ томъ, что семена любви въ несчастному поработанному народу посеяны были въ душе нашего поэта именно рукою его страдальницы-матери. Рисуя впоследствии (въ "Пиръ на весь міръ") симпатичный образъ семинариста-поэта Гриши, Некрасовъ, быть можетъ, не объ одномъ Добролюбовѣ вспоминалъ, когда писалъ:

И скоро въ сердце мальчика
Съ любовью къ бедной матери
Любовь ко всей вахланине
Слилась - и летъ пятнадцати
Григорій твердо зналъ уже,
Что *будетъ* жить для счастья
Убогаго и темнаго
Роднаго уголка...

Если не жить для счастья убогаго и темнаго люда, то работать для него, несомненно, мечталъ и юноша-Некрасовъ. Гуманное вліяніе матери заключалось не въ одномъ только примере, но и въ непосредственномъ воздействіи. Она была человекомъ образованнымъ; на поляхъ оставшихся после ея смерти польскихъ книгъ, привезенныхъ когда-то съ далекой родины, сынъ ея - поэтъ, нашель въ последствіи рядъ заметокъ, обнаруживавшихъ пытливый умъ и глубокой интересъ къ предмету чтенія. Уходя мыслью къ временамъ ранняго детства, онъ припоминаетъ, какъ въ зимнія сумерки, у догорающаго камина, она держала его на коленяхъ и ласковымъ, мелодическимъ голосомъ разсказывала, подъ завыванія вьюги, сказки "о рыцаряхъ, монахахъ, короляхъ".

Потомъ, когда читалъ я Данта и Шекспира,
Казалось, я встречалъ знакомыя черты:
То образы изъ ихъ живого міра
Въ моемъ уме напечатлела ты.

Такимъ образомъ, и первая искра любви къ поэзіи была заронена въ душу Некрасова той же матерью (известно, что семи летъ отъ роду онъ уже писалъ стихи, и даже сохранилось его детское четверостишіе, обращенное къ матери).

Изъ всего этого видно, что чуткая* нервно-впечатлительная душа будущаго поэта, на заре своей сознательной жизни, находилась подъ двумя резко противоположными вліяніями; они-то, "быть можетъ,-- эти вліянія,-- и послужили фундаментомъ при созданіи загадочно-сложнаго, полнаго такихъ удивительныхъ контрастовъ, характера Некрасова и его одновременно - реальной и идеалистической музыки.

Мы проходимъ мимо гимназическаго періода жизни Некрасова, такъ какъ въ литературе имеются пока лишь глухія, отрывочныя и часто противоречивыя сведенія объ этихъ годахъ. Каковы были его учителя, товарищи? Какой уровень знаній и нравственнаго развитія давала тогдашняя ярославская гимназія обоимъ ученикамъ? Какъ жили, что делали и читали эти последніе вне стень учебнаго заведенія? Возстановить полную картину этихъ летъ жизни Некрасова врядъ ли уже удастся. Одно не подлежитъ сомненію, что пребываніе въ гимназіи въ значительной степени сняло съ Некрасова гнетущія путы отцовскаго деспотизма и рано развило въ его характере черту самостоятельности. Въ родительскую деревню онъ пріезжалъ въ эти годы только на рождественскія, пасхальныя и летнія каникулы, все же остальное время жилъ съ младшимъ братомъ въ Ярославле на частной квартире, пользуясь почти безграничной свободой. Правда, къ нему съ братомъ приставленъ былъ крепостной дядька, но надзоръ этотъ ограничивался лишь матеріальной стороною жизни молодыхъ барчуковъ, а никакъ не умственной или нравственной. Существуетъ указаніе (опирающееся, кажется, на разсказъ сестры поэта), что Некрасовъ - гимназистъ злоупотреблялъ этой свободой,-- участвовалъ въ товарищескихъ пирушкахъ и другихъ нездоровыхъ развлеченіяхъ, учился плохо и къ гимназическому начальству относился непочтительно; между прочимъ, онъ писалъ сатирическіе стихи на учителей,-- обстоятельство, повліявшее, будто бы, и на невольное удаленіе его изъ четвертаго или пятаго класса...

Семейное преданіе это не следуетъ, однако, принимать съ абсолютнымъ доверіемъ. Известно ведь, какъ относится обыкновенно семья въ исключенному изъ училища юноше: обвиняютъ во всемъ его одного; охотно преувеличиваются и раздуваются до грандіозныхъ размеровъ его шалости, его распушенность... Что последняя не доходила у Некрасова до чего-нибудь отталкивающаго, безобразнаго, порукой намъ служатъ те же "Мечты и Звуки", составившіяся, главнымъ образомъ, изъ стихотвореній, писанныхъ въ гимназическіе годы и,

однако, проникнутых светлым идеализмом и глубоким религиозным чувством. Не такова была натура Некрасова, чтобы систематически предаваться лени, шлопайству и распутству. Шестнадцатилетним юношей очутился он на еще более безграничной свободе, в Петербурге, совсем уже вдали от родительского глаза,-- и это ничуть не помешало ему (даже если и бывали временами увлечения и ошибки) упорно трудиться и идти по разь намеченному пути. Природная искра Божия и идеалистическое влияние матери, очевидно, были крепким щитом противь недобрых и темных силъ жизни.